

«Человек, который встретил себя»

Работу над каждым портретом Зинаида Павловна начинает с глаз своего персонажа. Если глаза получились, считает она, — получится портрет. Значит, не зря говорят, что глаза — зеркало души. Ее герои — Александр Пушкин, Янка Купала, Якуб Колас, Сервантес, Виктор Гюго, Владимир Короткевич, Вольтер, Александр Дюма, Мольер, Генрих Гейне, Жюль Верн, Ромен Роллан, Марк Твен, Андерсен, Шиллер, Шекспир. Этому пристрастию у нее есть объяснение: она выросла с этими людьми. Лучше сказать — с созданными ими героями. Так сложилась ее жизнь, что с их книгами, благодаря их книгам она путешествовала по всему свету. О другом способе попутешествовать ей невозможно было и мечтать, — трудно было добраться даже до школы. Но об этом чуть позже.

Ее портреты уникальны. Дело в том, что Зинаида Павловна — не совсем художник в привычном понимании этого слова. Она не пользуется ни карандашами, ни кистями, ни красками. Ее «инструментарий» — иголка и нитки. Свои портреты Зинаида Павловна вышивает гладью. Не «крестиком», как принято у других мастериц, а именно гладью. И от ее портретов, пусть читатель поверит на слово, невозможно отвести глаз. Когда выставляла их в картинной галерее в Слуцке, удивились все, особенно сотрудники галереи, потому что в день тогда случилось по восемь экскурсий. По-своему и по-доброму оценила одна из известных мастериц: «Всю жизнь вышиваю, а такого не видела».

На «Дажынках» в Слуцке больше всего останавливались у ее портретов. Пушкин и Янка Купала... К Пушкину, особенно к его шевелюре, признается Зинаида Павловна, она присматривалась три года, прежде чем приступить к работе. И портрет удался на славу. Два дня на тех «Дажынках» не скудел поток людей к ее портретам.

Правда, случались и казусные комментарии. Один мужчина поглядел и сказал: «Да чего тут смотреть?! У меня соседка тоже машинкой вышивает. А еще с помощью компьютеров такое делают...». Пришлось объяснять, что все портреты вышиты руками. Может, и не поверил, говорит Зинаида Павловна, потому что уходил и всё бубнил: «Да разве я не знаю, что и как делают...».

А некоторые подумали, что портреты не вышиты, а нарисованы. Потом удивлялись: «Неужели...». Две дамы уточнили:

— А откуда вы?

— Из деревни Гацук, — отвечала.

— Так это же провинция, — чуть ли не всплеснули те руками.

«Восторгались, восторгались, и вот — на тебе. Да сами-то они откуда, — рассуждает Зинаида Павловна. — И разве не знают, что все мы из провинции, что все таланты великие из провинции происходят».

Но огорчила однажды только одна молодая женщина. Домой к Зинаиде Павловне приходила, ее вышивки рассматривала. Потом показала на портрет Виктора Гюго и спросила:

— Кто это?

— Гюго.

— Я и не слышала о таком. Зинаиде Павловне стало не по себе. Не знать автора «Отверженных», «Собора Парижской богородицы»? Не знать самых узнаваемых писателей? Нет, что-то не то происходит в образовании, считает она. А вот фотограф-частник, которого она попросила сделать снимки, деньги за свою работу брать отказался. И объяснил свое решение очень просто:

— Не могу с вас ничего взять. Мне достаточной платой является то, что я могу посмотреть на эту красоту.

А теперь пора сказать еще об одном. Возможно, самом главном. Дело в том, что вышивать Зинаида Павловна может только стоя или лежа. Сидеть не может ни при какой работе. Так, повторяю, сложилась ее жизнь. Из-за болезни. Из-за нее она называет себя «лягушкой в молоке». Еще в детстве врезалась в память сказка о двух лягушках, попавших в кувшин с молоком, из которого невозможно было выпрыгнуть. Одна из лягушек побарахталась немного и ушла на дно. А другая упорно молотила по молоку лапками. И из молока взбились крупинки масла, постепенно слипшиеся в комок. На тот комок и взобралась лягушка. И спаслась. Давным-давно Зинаида Павловна решила, что эта сказка написана и про нее, и для нее.

О своей болезни она говорить не любит. И даже обижается на журналистов, которые интересуются прежде всего этим, задавая одни и те же вопросы. Зинаида Павловна не считает болезнь главной особенностью своей жизни, хотя именно она и определила саму жизнь. Главным она считает преодоление болезни и самой себя. И все годы теплым словом вспоминает тех, кто помогал ей в этом преодолении. А болезнь ей, похоже, досталась от войны, которая заявила в ее родную деревню Белая Лужа на Слутчине, когда Зинаиде Павловне был всего год от роду. Не прошли даром прятанья от оккупантов в болотах, в лесных шалашах. Ей грозила полная неподвижность. Не помогло полностью даже шестилетнее лечение в крымском санатории в Евпатории. Помогало и помогает другое.

В санатории и в школе при санатории, в которой она закончила семь классов, ее звали Маресьевым. Был такой человек во время Великой Отечественной войны, который больше двух недель ползком пробираясь к своим из вражеского тыла, потерял из-за обморожения обе ноги, но вернулся в строй истребителей, продолжал воевать, стал Героем Советского Союза. В санатории о Маресьеве знали все. И книгу Николая Островского «Как закалялась сталь» о Павке Корчагине передавали из рук в руки. Дети тоже боролись. Она была самой «тяжелой» больной, но училась лучше всех. Писала для стенгазеты.

Рукодельничала. Рисовала. Но больше всего времени отдавала книгам. Благодаря им она побывала в «Соборе Парижской богородицы» Виктора Гюго, на «Наутилусе» Жюль Верна, в горах Кавказа вместе с «Мцыри» Лермонтова, была знакома и с «Принцем и нищим» Марка Твена. Не знала, как можно день прожить, не взяв в руки книгу. Читала всё. И всё это — не поднимаясь с постели. Ведь дети лежали даже на школьных уроках. Видимо, как раз это и обостряло ощущения от прочитанного. А школа, между прочим, была настоящей, преподавание велось по полной программе.

Потом было возвращение домой. У нее появились костыли, но исчезла возможность продолжать учебу, потому что в Белой Луже школы не было. Зато было немало красноречивых взглядов и даже откровенных суждений: «Зачем так жить, уж лучше...». Но Зинаида продолжала преодолевать болезнь. Она уехала в Минск к старшей сестре и стала ученицей 34-й столичной школы. Учиться очень хотелось, но и сейчас она помнит, каким мучением было сидение за партой. А каково добираться до школы, если не во всякий автобус или трамвай есть возможность войти. Бывало, часами стояла на остановке, дожидаясь трамвая с низкой подножкой. Ведь ступеньки, а тем более лестница — это уже непреодолимая преграда. Но она закончила школу. С помощью учителей, которые часто приходили к ней домой. Так распорядилась директор школы Клара Львовна Бирфус. Ей Зинаида Павловна бесконечно благодарна по сей день.

А после школы пошла работать. Работа нужна была позарез. Без нее, без хотя бы двух лет трудового стажа по тем временам нельзя было получить инвалидность. Даже если человек — на костылях. Группу она получила. Но ей дали только третью, рабочую, поскольку была «очень молодой». Говорит Зинаида Павловна об этом без обиды. Она вообще не любит обижаться, как сама утверждает, а тем более — «обивать пороги».

Потом поступила в медицинское училище и получила диплом с отличием. И со второго курса снова стала работать. Ее взяли в детскую поликлинику. Поспособствовал тому заведующий отделением Михаил Борисович Розенблюм. Он был очень строгим человеком, и сотрудники поликлиники его откровенно побаивались. Но Зинаиду он порекомендовал главврачу и даже настоял на приеме на работу. Так и сказал: «Я за нее ручаюсь». Это второе имя, которое всегда живет и будет жить в ее сердце.

А дальше был пединститут. Однако со второго курса пришлось уйти. Нет, воля не подводила. Просто надо было подумать о собственном жилье, а тогда уже начали строить кооперативные квартиры. Работала на полторы ставки, но преодолела и этот рубеж. А затем была поездка к другой сестре в Солигорск. И ей так понравился этот город, что она разменяла столичную квартиру на солигорскую, да еще и в доме, который стоял рядом с поликлиникой. Это был уже почти рай, говорит Зинаида Павловна.

В Солигорске проработала восемнадцать лет. В рентгенкабинете. Как солдат, говорит она, объездила все деревни с передвижным флюорографом. Почему «как солдат»? Да потому что — стоя в машине. Скидок на инвалидность не было, Зинаида Павловна их и не просила. Она вообще не любит слово «инвалид». В нем ей слышится какая-то ущербность, неполноценность, по крайней мере, нечто такое, что вызывает жалость. А жалости Зинаида Павловна не хочет, не принимает.

Живя в городе, всегда вспоминала свою деревню Белая Луза. Потому снова решила сменить обстановку — поменять солигорскую квартиру на дом в деревне Гацук. Она рядом с Белой Лужей.

— О, что тут началось! — вспоминает Зинаида Павловна. — «Ты с ума сошла. Как когда-то в Минске: менять столицу на Солигорск, а теперь менять Солигорск на деревню?» Я отвечала: знаю, что делаю. Мне нужна перемена мест. Не люблю однообразия. У меня всегда так: если достигла чего-то, нужен следующий этап. А здесь дома — как городские, с удобствами. Вот и переехала... Когда вышивать начала? Я с детства это умела. У меня и мама была рукодельницей, и сестры.

Ткали, вышивали, вязали. И я с ними. А книгу с портретами писателей еще в 1979 году купила. Раскрыла — даже сердце зашлось. Я же их в детстве всех перерисовала. Портретов Пушкина целый альбом был. Тогда и подумалось: вышить бы. И решила: выйду на пенсию — вышью. Много лет ждали эти портреты. А однажды прочитала о конкурсе «Филантроп», который в Москве проводился по инициативе поэта Сергея Михалкова. И бросилась в работу, как в воду.

Из Москвы Зинаиде Павловне пришло сообщение, что ее работы рассмотрены в жюри, что приглашают участвовать. Условие участия в конкурсе — перечислить тысячу долларов. А еще разъяснение, что завтрак в гостинице будет стоить 25 долларов. Сообщали также, что в конкурсе все на одинаковых правах. И здоровые, и больные. Куда поедешь, откуда те доллары?

Кто-то однажды спросил у нее, почему ее портреты посвящены, главным образом, иностранным писателям, а не белорусским. Этот вопрос вызвал у Зинаиды Павловны недоумение. Разве белорусские народные артисты играют только в белорусских пьесах? Для себя давно решила: «Значимость моего труда для меня могу оценить только я сама. Человек живет, пока работает. Просто сидеть и ничего не делать — не моего труда для меня могу оценить только я сама. Человек живет, пока работает. Просто сидеть и ничего не делать — не могу».

Каждый портрет — ювелирная работа. Над ними Зинаида Павловна работает по месяцу, по два, по три. С утра до вечера. Хочется вышить Адама Мицкевича, Максима Богдановича, Наполеона Орду, Радзивиллов, тех, кто след в истории и искусстве оставил. Вышила несколько икон. Собирается вышивать пейзажи. Философские. Чтобы каждая картина смысл имела, чтобы задуматься нужно было. Тем много, только трудись. Радует, что профессиональные художники хорошо отзываются о ее работах. Некоторые говорили, что было бы хорошо выставить эти портреты в Национальной библиотеке в Минске.

В ее квартире идеальная чистота. На небольшом столике — слоеный торт, чашечки, тарелочки, лимоны, апельсины, печенье. Даже хочется попробовать. А все «сладости» и «посуда» — вязаные.

Сериалы Зинаида Павловна не смотрит: жаль времени. Любит фильмы, заставляющие думать. Как и книги. Прочитала однажды: «Ищи себя, пока не встретишь». Это тоже о ней. О нас всех. Для нас всех. Только Зинаида Павловна, похоже, себя уже встретила.

А еще ей хочется написать книжку о своей жизни. И начать ее с родительского дома. И хочется, и боязно, признается она. Писать надо правду. А правда часто бывает тяжелой...